

Поэтические страницы

Николай Уранов

Николай Уранов — литературный псевдоним Николая Александровича Зубчинского (1914-1981), члена Харбинского кружка последователей Живой Этики, одного из ближайших учеников и сподвижников Бориса Николаевича Абрамова.

Имя Николая Уранова хорошо известно читателям, интересующимся духовными проблемами. Его первые журнальные публикации появились в 1995 году, тогда же вышел в свет двухтомник его философских очерков и эссе под названием «Огненный подвиг» (2-е издание: Рига-Москва, 1997). В 1996 г. был издан сборник стихов Николая Уранова «Вперед и выше» и его замечательная книга «Жемчуг исканий», содержащая записи (ментограммы), отражающие опыт его духовного восхождения. В 1997 г. вышла книга «Николай Уранов об астрологии», содержащая выдержки из его произведений, а в следующем году — книга «Нести Радость» (фрагменты писем Николая Уранова). Небольшие сборники эссе «Огонь у порога», «Вершины» и др. были изданы в Новосибирске. Начиная с 1997 года публикуются выпуски (тома) его капитального произведения «Размышляя над Беспредельностью» (1-й выпуск — Сфера, 1997, 2-й — МЦР, 2000, 3-й — МЦР, 2001, 4-й — МЦР, 2002). Готовятся следующие выпуски этого труда и другие произведения Николая Уранова.

Мы публикуем несколько ранних стихотворений Николая Уранова, переданных одним из участников Харбинской группы последователей Н.К. Рериха, Дмитрием Семеновичем Шиповым.

О жизни Николая Уранова известно мало. Он родился 20 марта 1914 года на станции Вэйшахе, близ Харбина. Отец его работал служащим на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). В юные годы, когда перед человеком со всей остротой встает вопрос о смысле жизни, поиски ответа на него привели Николая Зубчинского к Борису Николаевичу Абрамову, и вскоре он стал его учеником. Как раз в это время в Харбин приезжает Николай Константинович Рерих. По его поручению Борис Николаевич создал группу последователей Живой Этики, куда привлек и молодого Уранова.

Во время пребывания Николая Константиновича Рериха в Харбине Уранов был совсем еще молодым человеком. Он присутствовал на публичных выступлениях Великого Мастера и неизгладимое впечатление от этих встреч сохранил на всю жизнь.

Писать стихи Николай Зубчинский начал в юные годы. Он использовал иногда псевдонимы Динганов и Бауров, но впоследствии остановил выбор на одном — Николай Уранов. Под этим псевдонимом он писал свои первые очерки и эссе на духовные темы.

Родившись за пределами России, Николай Александрович всегда ощущал духовную связь со своей исторической Родиной, остро переживал драматические, а порой и трагические события ее истории. Когда началась Великая Отечественная война, он написал стихи, полные непоколебимой веры в победу советского народа, в славное будущее нашей Родины (стихотворение так и называется — «Родина»).

В 1944 году произошла встреча Николая Александровича Зубчинского с Лидией Ивановной Прокофьевой. В марте 1945 года они поженились. Николаю Александровичу был в ту пору 31 год, он уже

давно шел по пути Учения, а Лидии Ивановне не исполнилось еще и двадцати, она была начинающей ученицей. Их познакомил Борис Николаевич Абрамов, и он же благословил их брак. Лидия Ивановна и Николай Александрович прошли по жизни, осененные высокой Любовью, помогая и поддерживая друг друга. Их жизнь — высокий пример понимания и уважения Закона Сотрудничества Начал, изучению которого Николай Александрович посвятил многие годы.

Счастливые дни после женитьбы были прерваны самым неожиданным образом: 2 сентября 1945 года (ровно через полгода после свадьбы!) Николай Александрович по ложному доносу был арестован, осужден на 15 лет и сослан в сибирские лагеря. Он провел там 11 лет, был освобожден и полностью реабилитирован в 1956 году. Это было время тяжких испытаний, и не просто испытаний — сама жизнь Николая Александровича часто подвергалась опасности, не однажды стоял он на грани жизни и смерти, но всякий раз чудесным образом приходило спасение. И даже в тех тяжелых условиях не прекращалась скрытая от посторонних глаз работа над Учением.

Первое время после освобождения Николая Александровича он и приехавшая к нему Лидия Ивановна продолжали жить в поселке Вихоревка Иркутской области, где находился лагерь. А в 1971 году они переехали в г. Усть-Каменогорск, осуществив свою заветную мечту быть поближе к Алтаю. Впоследствии они купили деревенский дом в 150 километрах от города. Здесь, в Рудном Алтае, на берегу реки Ульбы, в красивой горной местности они проводили летние месяцы, принимая приезжавших к ним друзей.

Николай Александрович Уранов ушел из жизни 6 июня 1981 года, похоронен на скромном сельском кладбище вблизи г. Лениногорска. Откликнувшись на смерть друга, Альфред Петрович Хейдок писал: «На его долю выпало немало жизненных испытаний, которые он переносил с твердостью и мужеством. Истинно, о нем можно сказать, что он прошел жизнь, как по струне бездну — красиво, бережно и стремительно».

А.М. Гиндилмс

Молитва

В полумраке ли древнего бора,
На горах ли в дыму облаков,
В океане ли — царстве простора, —
Ты везде нам на помощь готов.

Только Ты светишь в волнах печали,
Только Ты проведешь по тропе
Среди пропастей в горные дали,
Помоги нам, идущим к Тебе.

И настанет, когда-то, мгновенье:
Раскаленные чистым огнем,
Мы приложим Твое Откровенье
И сольемся с Тобою в Одном.

Труден путь наш — дерзающих Света,
Но Ты с нами повсюду, везде,
Твоим именем сердце согрето, —
Помоги нам — идущим к Тебе.

1934—39

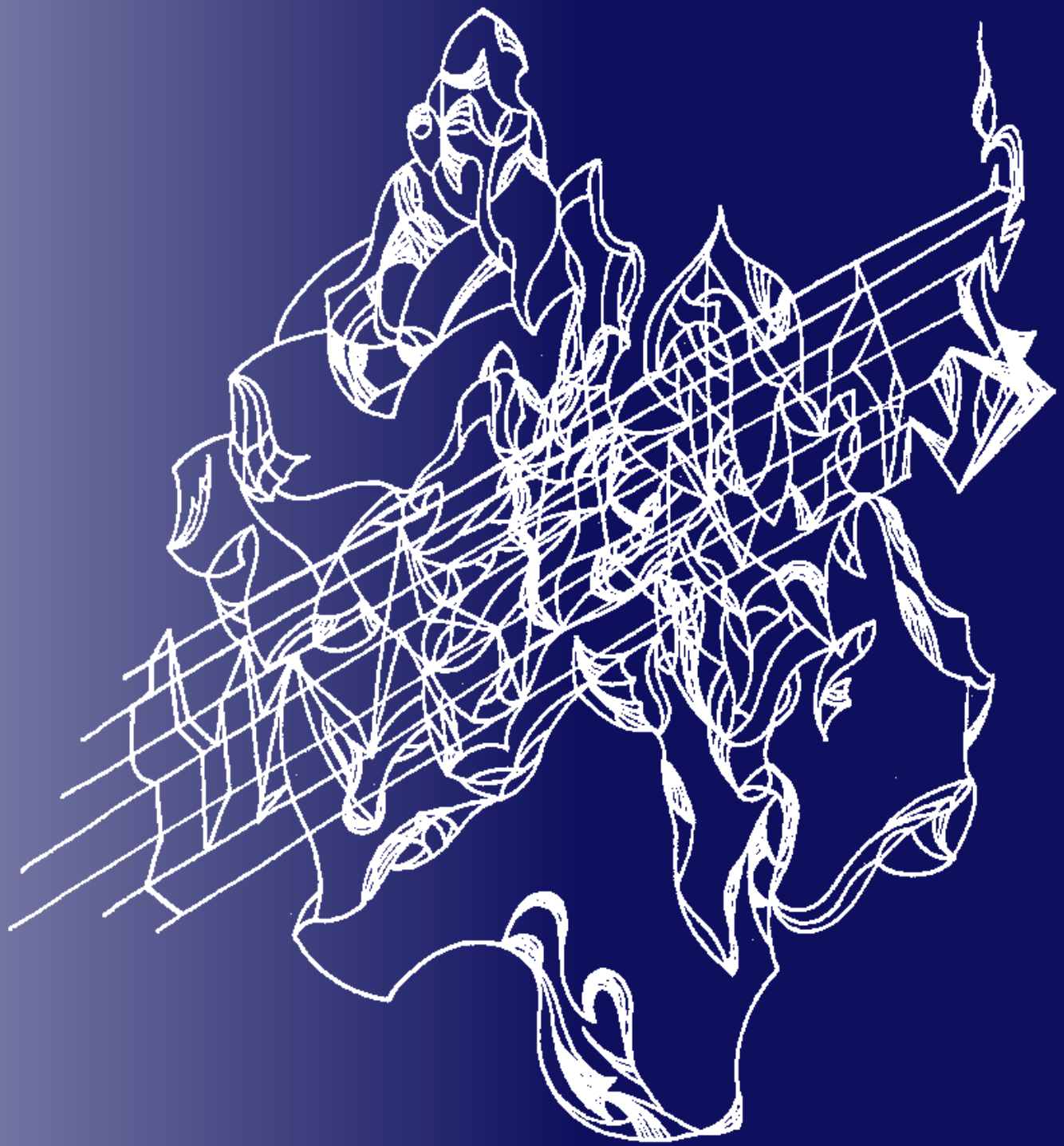
Песня

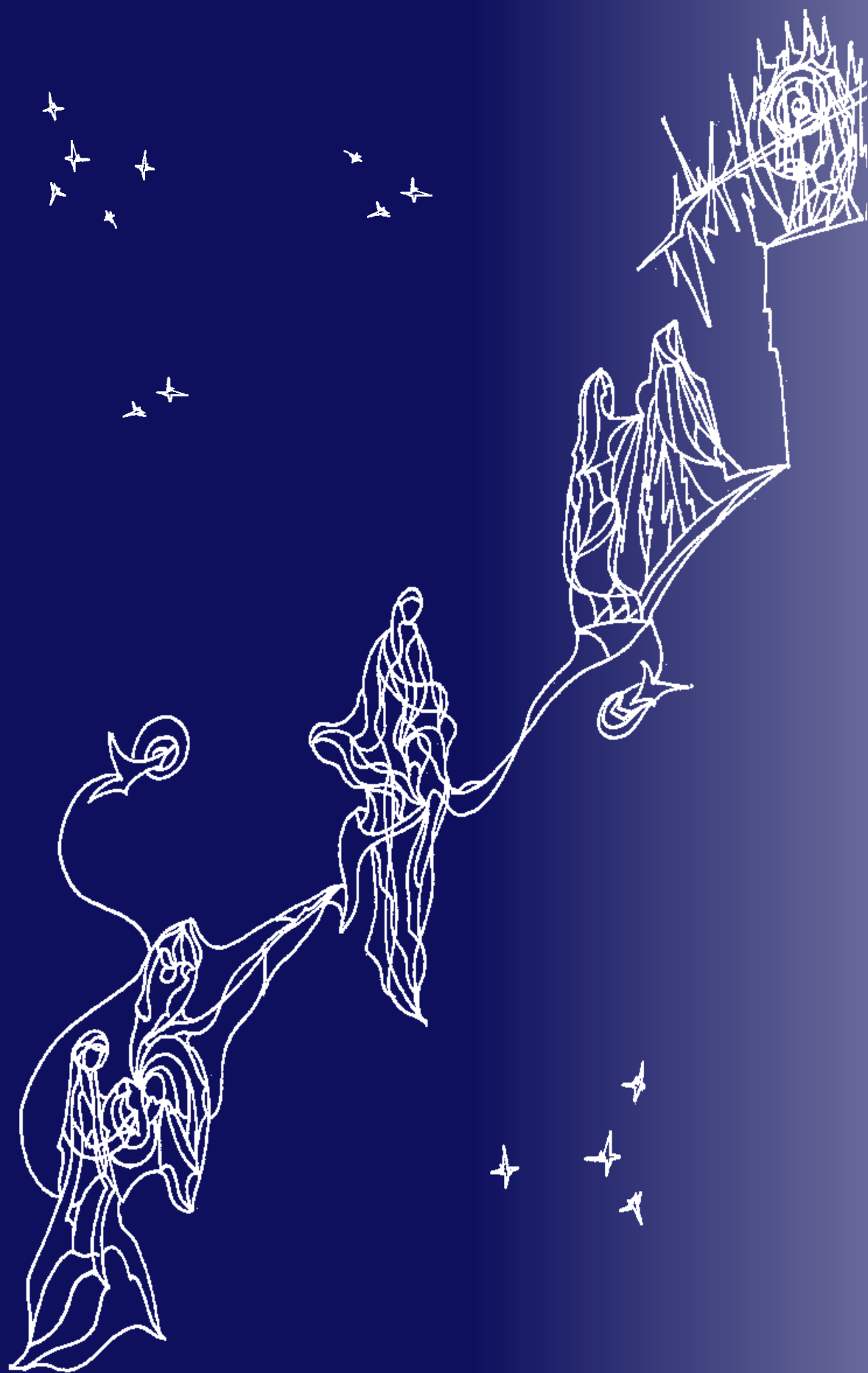
Пусть ветры восставшие мечут
Навстречу нам бешенство вод, —
Вперед. Ураганам навстречу,
Навстречу стихиям — вперед.

Что было, что будет чудесней,
Чем сердце наполнив огнем,
С улыбкой, ликующей песней
К любимому плыть напролом.

Что было, что может быть шире
Для нас — покоряющих кровь,
Чем самая светлая в мире,
Чем лучшая в мире Любовь!

13.06.41

Север

Север, стремящий сиянья,
Веером стрел огневых.
Слава вписавшим названия
В карту просторов твоих

Где-то за грозной границей,
Где не ступала нога,
Где лишь серебряной птицей
Пела о смерти пурга.

Там, на полях омертвевших,
След оборвав навсегда,
Стали гробницами смелых
Крепости звонкого льда.

Там прочитали лишь ветры
Книгу геройства и мук
Ваших шагов, когда метры
Рвались у смерти из рук.

Ваших шагов, когда холод
Сковывал тело и лед —
Лед раздробляющий молот,
Сердце гремело: «Вперед».

В ночь, когда вьюга лишь выла,
В черный провал без пути,
Что за великая сила
Вас заставляла идти?

Слава ли? Золота ль кроха?
Нет, не за эти мечты
Вы до последнего вздоха
Шли до последней черты.

В холодом дышащем мраке
К Свету стремящийся свет,
Сердца пылающий факел
Вел нас к вершинам побед.

К Свету, к сиянью [идуший] —
Подвиг ваш многих поверх
Светит, как самый зовущий,
Самый влекущий пример.

Злоба — не та же ли стужа?
Тупость — не крепче ли льда?
Но восходящим сквозь ужас
Не повернуть никогда.

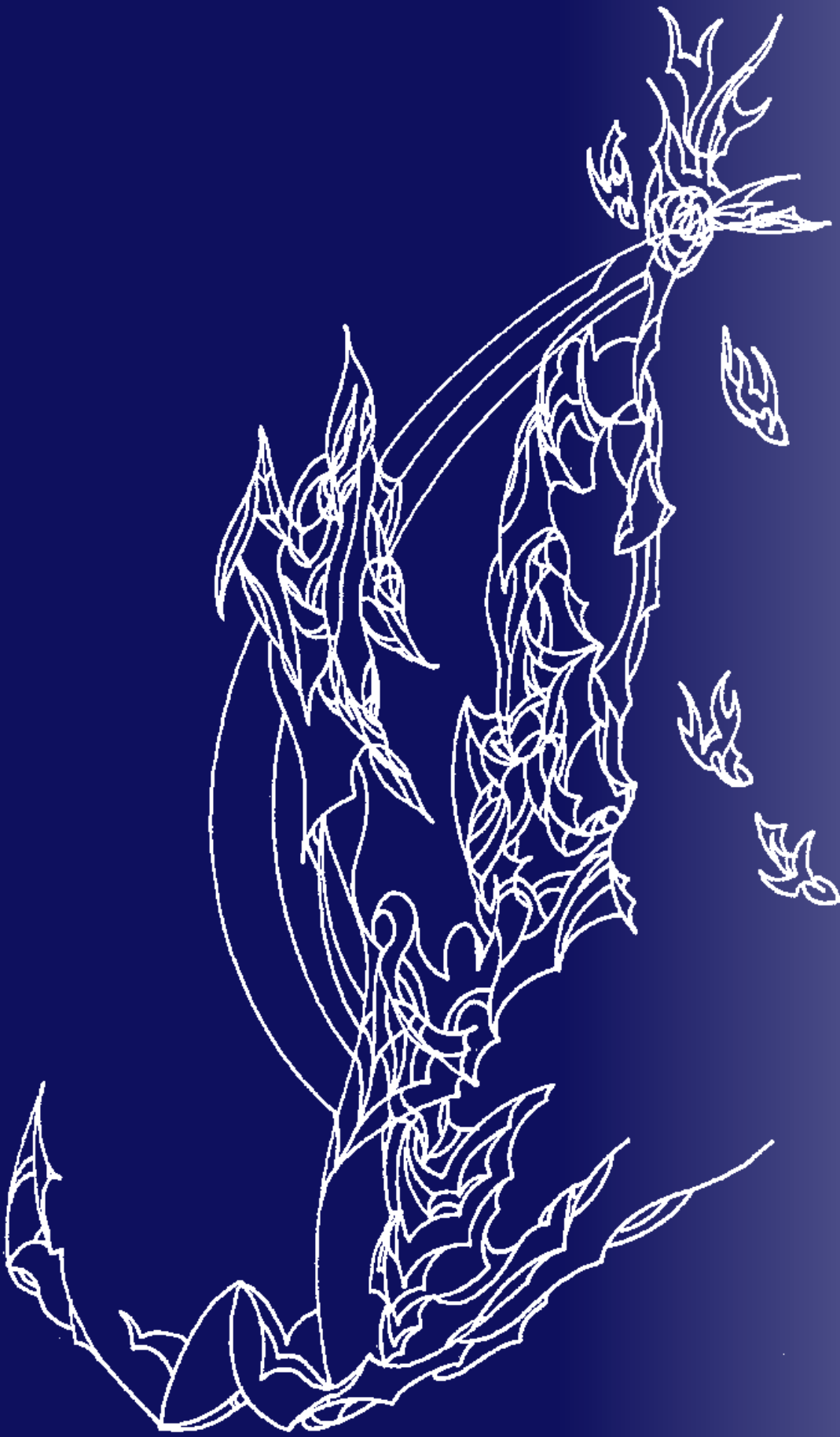
Им, полюбившим сиянье
Пламенной тленных наград,
Крыльями были страданья,
Лестницей — камни преград.

Север, стремящий зарницы
Веером стрел огневых —
Слава прошедшим границы
Сказок твоих снеговых.

Около 35—37 гг.

Иван Жданов

Соседство двух этих имен в нашей поэтической рубрике — Николая Уранова и Ивана Жданова — может показаться случайным. Иван Жданов — поэт другого поколения, другого опыта, другого поэтического склада. Сближает его с Урановым — и это вовсе не формальная связь, а глубинное внутреннее родство, — общая тяга к Алтаю, к его сокровенным тайнам. Николай Уранов, родившийся в начале прошлого века в Маньчжурии, сумел осуществить свою мечту и поселиться на Алтае лишь в последнее десятилетие своей жизни. У Ивана Жданова другая судьба: Алтай для него — «область неразменного владения», то, что впитано с молоком матери и что нельзя растратить «в нежити и свободе» современного существования, в каком бы краю ты, выброшенный в мир, ни решил поставить свой дом.

Иван Жданов родился в 1948 году в деревне Усть-Тулатинка Алтайского края. Закончил филфак Барнаульского педагогического института. Первая его книга «Портрет» вышла в 1982 году и разошлась в считанные дни. Интерес к стихам Жданова возник после первых публикаций в периодике. С тех пор его книги выходили в центральных издательствах, в родном Барнауле («Неразменное небо», «Место Земля», «Присутствие погасшего огня» и др.), во Франции, Дании, Америке и Японии. Иван Жданов — лауреат премии имени Аполлона Григорьева (1998). Количество статей и дискуссионных мнений о его поэзии значительно превосходит объем им опубликованного. Причина критических споров — особый поэтический язык, чувственно-смысловая наполненность его стихов. Его поэтику называют метафорической, метареалистической, постмодернистской, а иногда просто странной.

Алтай отзывается в его стихах «вестью племен», «всей родословной своей», «душой коня», озером, брызнувшим «из бездны разлома». «Здесь что ни пядь под стопой, — пишет Иван Жданов, — то вершина и та обетованная ширь, от которой и свету темно...»

«Стихи Ивана Жданова дают реальную возможность пребывать человеку, читающему их, в себе самом раздумчиво, неспешно и одновременно — вот чудо! — растворяясь во многих мирах, — пишет земляк поэта В. Тихонов в предисловии к книге «Присутствие погасшего огня». — Его влекут подтекстуальные явления бытия в историческом, человеческом, природном проявлениях. Не в этом ли даре один из секретов поэзии Жданова?»

* * *

Так ночь пришла, сближая все вокруг,
и, в собственные тени погружаясь,
ушли дома на дно прикосновений.

И бой часов был переплавлен в тень,
дающую немое представленье
о медленном смещенье расстояний.

Казалось, никого не обходило
присутствие погасшего огня.

И был лишь тополь где-то в стороне,
он был один запружен очертаньем,

он поднимал над головой у всех
порывистого шелеста причуду,
дотягиваясь пальцами до слуха,
как слог огня, пропавшего в огне.

Его превосходила глубина,
он был внутри ее, как в оболочке,
он выводил листву из берегов
и проносил на острие движенья
куда-то вверх, куда не донестись
ни страху, ни рассудку, ни покою.
Где ночь переворачивала небо,
Одной звездой его обозначая.

Восхождение

Стоит шагнуть — попадешь на вершину иглы,
впившейся в карту неведомой местности, где
вместо укола — родник, вырываясь из мглы,
жгучий кустарник к своей подгоняет воде.
Дальше, вокруг родника, деревень алтари,
чад бытия и пшеничного зноя дымы.
Там начинается воля избытком зари,
там обрывается карта в преддверии тьмы.
Все это можно любить, не боясь потерять,
не потому ли, что картой поверить нельзя
эту безмерную, эту незримую пядь,
что воскресает, привычному сердцу грозя.
Здесь, что ни пядь под стопой, то вершина и та
обетованная ширь, от которой и свету темно:
никнет гора, или рушится в ней высота,
или укол простирает по карте пятно.
Это твое восхождение, в котором возник
облик горы, превозмогшей себя навсегда.
Стало быть, есть воскресенье, и ты — проводник
гнева и силы, не ищущих цели стыда.
Это Георгий своим отворяет копьём
пленный источник, питающий падшую плоть.
Отблеском битвы, как соль, проступает на нем
все, что тебя ни на миг не смогло побороть.
Стало быть, есть красота, пред которой в долгу,
только она лишь сама, как прибежище чар.
Всадник, заветную цель отдающий врагу,
непобедим, ибо призван растрачивать дар.
Здесь и теперь в этом времени вечности нет,
если, сражаясь, себя разрушает оно,
если уходит в песок, не стесняясь примет,
чуждое всем и для всех безупречно равно.
Не потому ли нацеленный в сердце укол
всей родословной своей воскресает в тебе,
взвесью цветов заливая пустующий дол,
вестью племен отзываясь в пропащей судьбе.
Это нельзя уберечь и нельзя утаить,
не промотав немоту на избыток вестей.
Значит, шагнуть — это свежий родник
отворить,
значит, пойти — это стать мироколицей всей.

* * *

Камень плывет в земле, здесь или где-нибудь, —
скол золотых времен, сторож игры и толп,
но из-под ног твоих он вырывает путь
и отправляет вверх, чтобы горел, как столб.

Я не будил, как вор, воли своей не крал,
душу не проливал, словно в песок вино,
но подступает стыд, чтобы я только знал:
то, что снаружи крест, то изнутри окно.

Не разобьешь в щепу то, что нельзя унять,
и незнакомый свет взгляд опыляет твой,
и по корням цветов гонит и гонит вспять
цвет золотых времен будущих пред тобой.

Ближе, чем кровь, луна каждому из землян,
и по числу людей множится лунный род.
Видишь: над головой улиц или полян
лунных пейзажей клин поднят, как в перелет.

На Новый год

Вооруженный четверней сезонов,
сияющих, как ярусы ковчега,
вплывает год под шорохом кометы,
бросающей тигриные следы.

И мы вступаем на помост вседневный:
мы нижний ярус отведем для снега,
второй засеем, третий даст нам всходы,
а на последнем будем ждать плоды.

Он создан нами — помни — даже если
он сделан кое-как, то нет причины
в нем сомневаться, потому что эта
его постройка означает — жить.

Уже раздуты щеки ветродуя,
набрякли жилы ветровой машины,
будильник заведен на воскресенье,
чтоб ледяное солнце сокрушить.

Но больно видеть, что душа поката,
окружена экранами сплошными,
где что-то происходит подставное,
и ничего не видно из-за них.

Смерть подражает очертаньям жизни,
и речь в проказу вбита запятыми,
и непривычно видеть эти тени
от внутреннего солнца в нас самих.

А что, когда и я — всего лишь проблеск
глазного дна, куда своим коленом
так давит свет, что впору грызть запястья
и в пасти волка сердце находить?

Но вот зерно светлеет на ладони,
оно — ковчег с многооконным креном:
для каждой твари есть звезда и место.
Свежеет ветер — надо жизнь будить.

Лента Мёбиуса

Я нужен тебе для того, чтобы ты
была мне нужна.

* * *

Когда умирает птица,
в ней плачет усталая пуля,
которая так хотела
всего лишь летать, как птица.

Холмы

Этот холм в степи, неумышленно голый, —
это узел пространства, узилище свету.
И тревожится сердце, и ритм тяжелый
так и сносит его. И ветра нету.
Череп из полыни, как стон простора,
выгоняют тропу, оглушают прелью.
И тропа просевает щебень до сора
и становится пылью, влекомой целью.

И качается зной в монолитной дреме
самоцветами ада в мареве этом,
и чем выше тропа, тем пыль невесомей,
и срывается воздух гнилушным светом.
И тот же холм в степи, крутой и голый,
и та же тропа проступает в бурьяне
и, взбираясь по круче в тоске веселой, —
растворяет щебень в сухом тумане.
Западает в песок и отвесной пылью
обрывается в воздух такой же рваный
монолитной трухой и зноем, и гнилью —
только свет как будто другой и странный.
Или так показалось: ведь холм все тот же —
где им тут в пустоте разойтись обоим?
И одна и та же, как кровь под кожей,
их руда топорщит своим жиლობоем.
Уберу ли камень с холма, чтоб где-то
на другом холме опустело место,
или вырву цветок незрячего цвета,
словно чью-то ладонь отделяя от жеста,
или просто в песок поставлю ногу,
чтобы там, где камень исчез, забылся
и пропал цветок, неугодный Богу,
отпечаток моей ступни проявился?
Но на склонах этих один заразный
выгорает песок в ослепшую грудку.
Почему же свет осеняет разный
этот холм, помещенный нигде и всюду?
И ты видишь в себе, что здесь поминутно
совершаются праздник и преступленье,
и на казнь волокут тропую распутной,
начинается подвиг, длится мученье.
Он стоит, лицо закрывая руками,
в одиночестве смертном, один, убогий,
окруженный иудами и врагами,
исступленный, кровью горя в тревоге.
Или он — единственный здесь, и это
сознается им, несмотря на злобу,
несмотря на мертвую маску света,
заскорузлость воли, ума хворобу?
Это было бы жертвой: то и другое —
подвиг — если он здесь одинок и страшен,
или праздник — когда под его рукою
оживает единственность толп и пашен.
Эта жертва — и та, и другая — в казни
обретает залог и долг продолженья.

Только свет надо всем излучается разный:
свет укора и праздничный свет искушенья.
Или чары потворства грозят любовью,
или молнии мечут бранные стяги,
или холм обряжают горячею кровью,
словно это письмо на обратной бумаге?
Ты, представший с лицом, закрытым руками,
опусти свои руки и дай очнуться
от твоей несвободы, вбитой веками!
Горек хлеб твой, и жертвы нельзя коснуться!

* * *

Душа проснется, и тогда
заплачет полая вода:
найдет сестрица братца,
а нам пора прощаться.

И вздрогнет на воде кольцо,
с козлиным профилем лицо
мелькнет и улыбнется.
Сестрица отзовется.

Вот в шепот сыплется листва,
Она мертва, она права.
Что ей теперь приснится?
И нет нигде копытца.

Один стакан, и тот разбит,
со дна Алenuшка глядит,
И ветер шепот шевелит.
Мы молча в шепот сходим
и там себя находим.

Здесь нас поддерживает свет,
и на двоих разлуки нет.
Найдет сестрица братца,
а нам пора прощаться.

Возвращение

Это на слабый стук, переболевший в нем,
окна вспыхнули разом предубежденным жаром,
и как будто сразу взлетел над крышей дом,
деревянную плоть оставляя задаром.

Где бы он ни был, тайно светила ему
золотая скоба от неокрашенной двери,
а теперь он ждет, прогибая глазами тьму,
посвященный итогу в испуганной вере.

Ждет хотя бы ответа в конце пути,
позолочен по локоть как будто некстати
холодком скобы, зажатый в горсти,
на пределе надежды, близкой к утрате.

Выйдет мать на крыльцо, и в знакомом «Кто?»
отзовется облик в отпетом пальто,
отмелькавшем еще в довоенных зимах.
Грянет эхо обид, неутоленных, мнимых,
мутью повинных дней остепенясь в ничто.

Может, теперь и впрямь дело совсем табак,
блудный сын, говорят, возвращался не так:
несказанно, как дождь, не обученный плачу,
словно с долгов своих смог получить он сдачу
в виде воскресших дней — это такой пустяк.
Благословен, чей путь ясен и прост с утра,
кто не теряет затылком своим из виду
цель возвращенья и облаков номера
помнит среди примет, знавших его обиду!
Что воскресенье? — это такой зазор,
место, где места нет, что-то из тех укрытий,
что и ножны для рек или стойла для гор,
вырванных навсегда из череды событий.
Знать бы, в каком краю будет поставлен дом
тот же, каким он был при роковом уходе,
можно было б к нему перенести тайком
то, что растратить нельзя в нежити и свободе.

